

Петрова Л. А.

РОЛЬ ПАРАДИГМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ В РЕКОНСТРУКЦИИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗА

Проблема реконструкции языковой картины мира стала одной из главных в когнитивной лингвистике. Она связывается с развитием центральных понятий (концепт, фрейм), которые репрезентируют ментальный образ на вербальном уровне. Исследователи считают, что, будучи категорией сознания, образ как продукт восприятия и понимания мира включается в речемыслительный процесс и превращается в языковой образ. Под языковым образом понимается «совокупность образных средств языка, обозначающих один и тот же сигнификат» [1, 117].

Цель данного исследования – раскрыть роль парадигматической структуры в языковом моделировании того или иного феномена национальной культуры. Одним из таких феноменов является представление в русском языковом сознании образа души.

Известно, что душа признавалась всеми учеными до начала XVIII в., однако эти знания были идеалистическими. В то же время существовали и материалистические теории души. Они вели свое начало от учения Демокрита и описывали душу как тончайшую материю, пневму, частицы которой – круглые, гладкие и чрезвычайно активные – проникали между более крупными и менее подвижными атомами и, толкая, приводили их в движение. Душа считалась причиной всех процессов в теле, включая и собственно «душевные движения».

В конце XVII столетия в естествознании окрепло строго причинное мировоззрение, теории о «природе души» утратили истинность, а душа, «как объясняющая, но сама необъяснимая сила», скрытая позади наблюдаемых процессов, была исключена из науки. Как отмечает П. Я. Гальперин, место души заняли явления, которые мы фактически наблюдаем, находим «в себе», оборачиваясь на свою «внутреннюю душевную деятельность». Это мысли, желания, чувства, воспоминания и т. д., «которые каждый знает по личному опыту и которые, как факты этого внутреннего опыта, суть нечто несомненное» [2, 100]. Таким образом, ядерные признаки концепта *душа*, согласно теории П. Я. Гальперина, – мысль, желание, чувства, воспоминания.

По мнению Ю.С. Степанова, самое лучшее определение культурного концепта *душа* воплощено в словарной статье В. И. Даля: «Бессмертное духовное существо (сущность – Ю. С.), одаренное разумом и волею; в общем значении: человек с духом и телом; в более тесном: человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; в смысле же теснейшем: жизненное существо человека, воображаемое отдельно от тела и от духа, и в этом смысле говорится, что и у животных есть душа» [6, 569].

В.М. Шаклеин исследует понятие *души* в одном ряду с понятиями *дух* и *духовность* с точки зрения лингвокультурного универсума, под которым понимается многоплановая, многовекторная, находящаяся в постоянном развитии сущность, представляющая собой определенное количество взаимосвязанных кодов, поэтапная расшифровка которых может дать развернутую картину всей совокупности языковых и культурных процессов, происходящих и происходящих в человеческом обществе [8, 114].

И.А. Голубовская [4] утверждает, что основа украинской и русской этнической модели личности, в отличие от китайской и англо-сакской, заключается в противопоставленности тела как материального компонента душе (сердцу) как нравственно-эмоциональному ядру человека, поэтому сфера иррационального, не контролируемого разумом, выступает преобладающей.

Общность *души* и *сердца* отмечает Е.В. Урысон [7]. Исследовательница считает, что душа, в отличие от сердца, является невидимым органом и имеет следующие признаки: это орган внутренней жизни человека, т.е. всего того, что не связано непосредственно ни с физиологией, ни с деятельностью интеллекта; средоточие внутреннего мира человека, его истинных чувств и желаний, всего жизненно важного для личности; занимает уникальное место в человеке, в системе его «составных частей», отождествляется с личностью человека, с его внутренним «я»; является носителем некоего этического идеала, которому должна соответствовать, причем это соответствие ценится больше всех материальных благ; единственное в человеке, что является объектом особого философского размышления; связывает человека с высшим духовным началом, это орган, с помощью которого человек ощущает мистический, потусторонний мир.

Художественный концепт *душа* является одним из базовых в художественной картине мира. Подтверждением тому служат многочисленные исследования семантики и особенностей функционирования ключевого слова в творчестве писателей и поэтов (см., например, работы [3], [5], [9] и др.).

В сатирических произведениях начала XX в. языковой образ души развивается в двух направлениях: 1) душа – основа психической жизни человека; жизненное существо человека; 2) душа – внутренний, психический мир человека. Лишь в немногочисленных случаях душа воспринимается как

а) **человек:** *Должно быть, одиночество уж очень страшно. Холод и бесприютность пугают. Вот одинокие души и грезят о женщине, как о верном тихом прибежище, тишине и краткой ласке. Они всегда думают о том, чтобы пройти с одной всю жизнь до могилы.* [П. Романов, Зима]

б) **характер:** *Степана выбрали за то, что у него душа была уж очень хорошая, он всегда говорил о том, чтобы всем было хорошо и чтобы все было по справедливости, и все были бы равны* [П. Романов, Три кита].

в) **бесплотное существо, оставшееся после смерти человека:** *А внутри Химиков имел сердце благородного убийцы: аристократа духа и оболстителя прекрасных женщин. Какая-нибудь заблудившаяся душа рыцаря прежних времен, добывавшего себе средства к жизни шпагой, а расположение духа – любовью женщин, набрела на Химикова и поселилась в нем, мешая несчастному помощнику счетовода жить так, как живут тысячи других помощников счетовода* [Аверченко, Страшный человек].

г) **чувство, отзывчивость, пыл:** *Да, должно быть, любовь женщины, действительно, такое блаженство, что за нее ему не жаль было отдать всю свою душу* [П. Романов, Зима].

Определим смысловые зоны, объективирующие языковой образ на вербальном уровне. Для этого покажем реализацию идиоглоссы *душа* в художественном тексте:

- Душа – основа психической жизни человека; жизненное существо человека

Стал жить и множиться человек, передавая от отца к сыну, от предков к потомкам живую горящую душу – дыхание Божие [Тэффи, Человекообразные]. Суровая и твердая душа революции, в атмосфере которой она прожила 10 лет, вдохнула в нее как бы какую-то новую душу [П. Романов, Арабская сказка].

Душа – внутренний, психический мир человека

... И долго лежал он так, **неразгаданная мятущаяся душа**, лежал, положив голову на ослабевшие руки, пока не подошел метрдотель [Аверченко, Русские в Европах]. Вот какая мысль пришла мне в голову: думаю я, что в человеке **не одна душа, а несколько, друг на друга не похожих**. Сейчас тоскую и пишу вот так, как пишу. А бывает время, когда совсем иначе буду рассказывать. Что же тут такое? Тайна какая-нибудь? Не знаю, право [П. Романов, Зима]. Проснулись вы утром после тусклой малосонной петербургской ночи, берете в руки газету, и сразу **на беззащитную и не устоявшуюся душу** получается строгий приказ: «Купите! Купите! Купите! Не теряя ни минуты, кирпичи братьев Сигаевых!» [Тэффи, Рекламы].

Приведенные примеры важны как свидетельство о тех сочетаемых свойствах речевой единицы души, которые определяют языковую схему развития концепта. В художественном дискурсе душа выступает как активная субстанция, пассивная субстанция и субстанция, обладающая определенными признаками.

Душа как активная субстанция представлена парадигмами глаголов, называющих активное действие. При этом более объемной представляется глагольная парадигма, соотносящаяся с психическим, внутренним миром человека:

глаголы психического состояния: Она <душа Коли> тихо и горько **плакала и понимала** [Тэффи, Репетитор]; душа **тоскует** [Аверченко, Русские в Европах], душа **сладко мучилась и тосковала** [Тэффи, Неживой зверь]; **тоскует** душа его неполная, несытая [Тэффи, Поручик Каспар]; душа моя **растерялась** [Тэффи, О нежности]; душа **сжалась, дрожит и тихонько хнычет**, душа **не верит** [Тэффи, Кишмиш]; **смирялась** душа, **умилялась** [Тэффи, Кишмиш]; душа **ныла и холодела** [Тэффи, Неживой зверь]; душа **стонала**. . . душа **плачет, и стонет, и шепчет**. . . [Тэффи, Амалия]; душа моя **билась в конульсиях и громко выла** [Тэффи, Визитерка]; душа **не принимает** [Зоценко, Стакан]; душа **протестует**. . . душа **поет и радуется** [Зоценко, Бедность]; душа **забьется и застонет**, и **запросится назад, и станет унижаться**, говоря, что она еще не все видела из того, что можно увидеть, и что ей хотелось бы чего-нибудь еще из этого **посмотреть** [Зоценко, Голубая книга. Любовь]; душа его <Коли> **не могла подбочениться** [Тэффи, Репетитор]; в тоске **металась маленькая душа** [Тэффи, Книга Июнь];

глаголы, **передающие физиологическое состояние**: душа **болела** [Аверченко, Геракл]; душа **морщится от реального прозаического трезвого слова**, душа **умерла** [П. Романов, Зима]; душа у нее **дрожала** [Тэффи, Жизнь и воротник]; женская душа **не распустилась еще** [П. Романов, Зима]; **не запела и не зацвела** душа его и **не засмеялась радостно** [Тэффи, Поручик Каспар];

глаголы **речи**: душа **вопит** [Аверченко, Этапы русской книги] душа ее **молилась тайно и горячо**. . . [Тэффи, Счастливая любовь]; душа **станет унижаться, говоря, что она еще не все видела из того, что можно увидеть, и что ей хотелось бы чего-нибудь еще из этого посмотреть** [Зоценко, Голубая книга. Любовь];

глаголы **состояния**: душа **горит** [Аверченко, Русские в Европах], **загорелась** душа [Тэффи, Французенка]; душа ее **зажглась восторгом** [Тэффи, Донжуан]; душа **расширилась и ждала** [Тэффи, Троицын день];

глаголы желания: **молодая женская душа хочет жизни, и шума, и ярких цветов** [П. Романов, Зима]; душа, которая **требует**. . . [П. Романов, Суд над пионером]; душа **требует звука, бурного, бешеного движения обезумевшей руки по клавишам**. . . [Аверченко, Поэма о голодном человеке]; душа **хотела быть** белой, легкой, воздушной, прозрачной, **улетать в звуках и в дымах** [Тэффи, Кишмиш];

глаголы зрения: **видит мужская душа в редкие минуты просветления** [П. Романов, Зима]; душа, **видевшая небо и вечность** [П. Романов, Зима]; душа **станет унижаться, говоря, что она еще не все видела из того, что можно увидеть, и что ей хотелось бы чего-нибудь еще из этого посмотреть** [Зоценко, Голубая книга. Любовь]; душа **все видела** [Зоценко, Голубая книга. Любовь].

Душа как пассивная субстанция выступает в роли объекта действия. Семантика предиката в данном случае не имеет жестких ограничений, что, на наш взгляд, указывает на сложность языкового образа. Его сущность раскрывается через ассоциативные связи. Душа ассоциируется с живым организмом, на который передается эмоциональное напряжение: **истерзавшее** душу горе [П. Романов, Соболый воротник]; **целящий** душу рефрен [Аверченко, Осколок разбитого вдребезги]; так мало знаешь свою душу [П. Романов, Осень]; ранена ее душа [П. Романов, Осень]; душой их **овладевает бурная экстазная радость, торжество духа** [Тэффи, Человекообразные]; душу человеческую **не чувствует**, душу **перевернешь** [П. Романов, Шведская машина]; о душе теперь **не думает** [П. Романов, Яблоневый цвет]; душу **выворотит** [Тэффи, Проворство рук]; душу **радовать, повеселил** душеньку [Тэффи, Звонари]; **отравляет** душу первое разочарование [Тэффи, Сокровище земли]; **утоливший** души человеческие [Тэффи, Когда рак свистнул]; **встревожили** Гришину душу [Тэффи, Троицын день]; душу в монастырь **не пустить** [Тэффи, Сердце]; **томил и тревожил** душу, как отзвук далекой чужой радости [Тэффи, За стеной];

с драгоценным предметом, которым можно овладеть или который можно передать: **черти украли христианскую душу и никак не могут ее поделить** [Аверченко, Тоска по родине]; **владеет** его душой [П. Романов, Зима]; **передавая от отца к сыну, от предков к потомкам живую горящую душу** [Тэффи, Человекообразные]; **променять** свою душу и душу друга [П. Романов, Зима];

с тончайшей материей: **разорвать** свою душу, чтобы **наполнить** ее душу [П. Романов, Зима]; **жалостью сжимает** душу [Тэффи, О нежности]; ; **копье архангела пронзило** его душу [Тэффи, О нежности];

с чистой, покоем: **душу свою пачкает** [П. Романов, Яблоневый цвет]; **мысль колыхнула** душу [Тэффи, Седая быль].

Языковой образ души расширяется в ментальном пространстве за счет адъективных парадигм, репрезентирующих признаковые свойства. Как показывает анализ, их структура чаще определяется положительной оценочностью: **светлая** душа [П. Романов, Зима]; **душа хорошая** и **голос тихий** [П. Романов, Смерть Тихона]; **новая** душа [П. Романов, Арабская сказка]; **добрая** душа [П. Романов, Три кита]. Без сомнения, конкретизирующие определения обусловлены особенностями художественной интерпретации событий, происходящих в начале XX в.

Противоречивость их восприятия разными авторами, тем не менее, не отразилась на общей трактовке понятия. На первый план выдвигается *душа настоящая русская* [П. Романов, Русская душа]; *живая русская душа* [П. Романов, Русская душа]; *бездна хаотической первозданной души славянской* [Аверченко, Русские в Европах]; *живая горячая душа – дыханье Божие* [Тэффи, Человекообразные].

В условиях перехода на новые нравственно-этические ориентиры актуальным было утверждение идеальности, непогрешимости внутреннего мира человека, что и обусловило состав адекватной парадигмы. Контекстуальная характеристика при этом не ограничивается одиночными определениями, чаще всего авторы используют однородные открытые ряды: *душа нежная, меланхолическая, полная радостного трепета перед красотой мира* [Аверченко, Геракл]; *неразгаданная мятущаяся душа* [Аверченко, Смерть девушки у изгороди]; *бессмертная душа, видевшая небо и вечность* [П. Романов, Зима]; *душа...хотела быть белой, легкой, воздушной, прозрачной* [Тэффи, Кишмиш]; *душа осталась такая же тихая и умиленная* [Тэффи, Поручик Каспар]; *тихие, глубокие души* [П. Романов, Зима]; *серьезная и глубокая душа, какой я не встречал у современных эсеници* [Тэффи, Сватовство]. Развитие языкового образа основано и на отрицательных коннотациях, что отражает объективные реалии. В таком случае используются прилагательные, передающие не столько сам признак, сколько авторское отношение (сожаление, сочувствие и т.п.): *беззащитная и не устоявшаяся душа* [Тэффи, Рекламы]; *усталая, издерганная душа* [Аверченко, Смерть девушки у изгороди]; *заблудившаяся душа* [Аверченко, Страшный человек]; *душа его глуха и тяжела* [П. Романов, Зима]; *одинокое души* [П. Романов, Зима]; *убогая душа* [П. Романов, Верующие]. Как свидетельствует материал, на отрицательные коннотации наслаиваются модальные смыслы, которые и доминируют в адекватной парадигме.

Таким образом, в художественной картине мира языковой образ развивает новые ассоциативные отношения. В результате продуцируются парадигматические ряды, которые являются итогом интеллектуально-эмоционального отражения действительности. Ассоциативные связи языкового образа на уровне парадигматики выявляют его синергетические свойства и таким образом раскрывают фрагмент целостной картины мира.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. – М., 2005. – 326 с.
2. Гальперин П. Я. Введение в психологию // Психология как объективная наука. Избранные психологические труды / Под ред. А.И. Подольского – М. – Воронеж, 1998. – С. 94-248.
3. Голованевский А. Л. О лексикографировании высокочастотных слов в «Поэтическом словаре Ф.И. Тютчева» // Вопросы лексики и фразеологии русского языка. Сб. науч. ст. – Орел, 2004. – С. 44-50.
4. Голубовская И. А. Этнические особенности языковых картин мира. – К., 2002. – 293 с.
5. Михеев М. Ю. Описание художественного мира Андрея Платонова по данным языка: 10.02.01 – русский язык / Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2004. – 67 с.
6. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – 824 с.
7. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. – М., 2003. – 224 с.
8. Шаклен В. М. Понятия душа, дух, духовность в современном лингвокультурном универсуме // Культура народов Причерноморья. – № 54. – Октябрь 2004 г. – Симферополь. – С. 114-117.
9. Яценко Т. А. Культурный концепт и концептосфера как объект анализа (на материале повести В. Шукшина) // Система і структура східнослов'янських мов. До 170-річчя з дня народження О. О. Потебні: Сб. наукових праць. – К., 2005 – С. 211-217.

Петруляк В. Ф.

ДО ПИТАННЯ ПРО ФУНКЦІОНУВАННЯ ВІДАПЕЛЯТИВНИХ ТОПОНІМІВ

У нашому дослідженні ми торкнулися проблеми функціонування відапелятивних топонімів, які займають важливе місце у системі топонімоутворення. Найменування тісно пов'язане з комунікативною діяльністю людини. Процес номінації – складне і багатогранне явище, яке потребує постійної уваги і вивчення з боку дослідників-онимастів.

У сучасній лінгвістиці розроблені принципи номінації апелятивної лексики. Щодо найменування одиничних предметів та явищ, то цілком відмінна природа онімів (відсутність лексичного значення тощо) не дозволяє зробити ототожнення з принципами номінації загальних назв. Хоча, звичайно, між двома рівнями номінації – апелятивним та пропріальним – існує певний взаємозв'язок та взаємодія.

Н. Подольська специфіку топонімоутворення вбачає у двох основних процесах: це топонімізація апелятива (джерелом географічної назви служить загальна назва) та трансонімізація (існуюча вже назва, в тому числі й географічна, є джерелом утворення нового оніма). В межах трансонімізації дослідниця виділяє власне трансонімізацію – перехід будь-якого класу онімів у топонім, транстопонімізацію – перехід топоніма одного класу в інший (гідронім > ойконім, ойконім > гідронім, оронім > гідронім, ойконім > оронім та ін.), трансгідронімізація – перехід в межах класу гідронімів, трансойконімізація – перехід в межах класу ойконімів тощо [3].

Такі способи номінації, як субстантивізація, еліптізація, номінативізація, зафіксовані й описані закарпатським мовознавцем К. Й. Галасом у „Словнику українських топонімів Закарпаття”. Як зазначає автор, „аналіз ми прагнули давати такий, щоб, наскільки це можливо, був розкритий назвотворчий процес і щоб стало ясно, як і з якого мовного матеріалу одержано ту чи іншу географічну назву” [1, с. 112]. Субстантивіти – назви, які первісно мали вигляд двочленної назви, але згодом утратили означуваний член, після чого член означуючий субстантивувався. Наприклад: Б'ілакової <Б'ілакової Поле, В'інково <В'інково Поле. Еліптита – назви, які, не будучи одиницями прикметникового походження, втратили, як і субстантивіти, означуючий член (Коло Церкви < Поле Коло Церкви). Номінативіти – новоутворені назви у називному відмінку, які сформувалися з еліптитів шляхом перетворення прийменника у префікс при паралельному усуненні флексії непрямого відмінка та з одночасною заміною її відповідною флексією (у тому числі й нульовою) називного відмінка (Зар'іка < За Р'іків). Значну увагу дослідник приділяє й відапелятивним топонімам [1].

Будь-який спосіб номінації базується на відношенні номінаторів (суб'єктів номінації) до найменованих об'єктів. Вибір форми номінації суб'єктом відображає ставлення суб'єкта до об'єкта, суб'єкта до адресата, ставлення адресата до предмета найменування. Ставлення номінатора до об'єкта може бути об'єктивним або оцінним. Тому